

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Л. И. Жижилева*

ORCID: 0000-0001-7725-2159

* Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,
Москва, Россия

PERSONAL IDENTITY IN SOCIAL AND HUMANITARIAN SPACE: HISTORICAL CONTEXT

Larisa I. Zhizhileva*

* Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

Цель исследования – провести анализ исторической трансформации представлений об идентичности, проследив переход от концепции мировой тождественности к личностной самоидентификации и кризису эссециалистских подходов с опорой на методы и результаты социально-гуманитарных наук.

Методологическую базу исследования составляют существующие в философских науках представления об идентичности, тождественном и различии, самоидентификации и отождествлении с другими, противопоставлении «я» и «Другого» и др., которые находят отражение в социально-гуманитарных исследованиях.

Результаты исследования. Исследовательское поле изучения идентичности начинается с интереса к тождеству как значимому концепту восприятия мира и места человека в нем. С трансформацией общества к новоевропейскому, личностные характеристики становятся значимыми, и наряду с тождеством личности в классической философии приобретает значение ее развитие. Однако

Objective of the study is to analyze the historical transformation of the concept “identity”, tracing the shift from the notion of universal sameness to personal self-identification and the crisis of essentialist views, utilizing the methods and findings of social and humanitarian sciences.

Methodological basis of the study consists of existing concepts in philosophical sciences regarding identity, sameness and difference, self-identification and identification with others, the opposition between the “self” and the “Other” et al., which are reflected in social and humanitarian studies.

Results of the study. The field of identity studies begins with an interest in identity (sameness) as a significant concept for perceiving the world and a person’s place in it. In result of the transformation of the society to modern European type, personal characteristics become important, and alongside personal identity in classical philosophy, individual development gains significance. However, the notions of

возникающие в этой связи «Другой», «различие» не только ставят под сомнение концепт тождества, влияют на его трансформацию (подобие), но и меняют сегодня представления об идентичности в целом (от «нулевой» до сконструированной).

Перспективы исследования связаны с изучением современных аспектов проявления самоидентичности личности в поле междисциплинарного дискурса с учетом обеспечения безопасных условий ее существования.

Ключевые слова: идентичность, самоидентификация, идентификация, тождество, различие, сходство, подобие, уникальность

the “Other” and “difference” that arise in this context not only challenge the concept of identity, influencing its transformation (such as through likeness), but also today alter the overall understanding of identity, ranging from a “zero” state to a constructed one.

Prospects of the study are connected with the research of contemporary aspects of the manifestation of personal self-identity within the framework of interdisciplinary discourse, taking into account the provision of safe conditions for its existence.

Keywords: identity, self-identification, identification, sameness, difference, similarity, likeness, uniqueness

Введение

Этимологически понятие идентичность происходит от латинского «*identificare*» (отождествлять), а также от позднелатинского «*identifico*» (отождествляю). В европейских языках оно приобрело со временем множество значений. Так, в Оксфордском английском словаре под идентичностью (identity) понимаются, в том числе, характеристики и факты, которые делают человека или вещь тем, кем или чем они являются и отличают их от других; состояние или ощущение тождественности с другим; уравнение, справедливое для всех возможных значений букв в уравнении (математика)¹. То есть делается акцент на самости, отличии от других, тождестве с другими. В немецком языке «*identität*» рассматривается как тождество, соглашение, равенство (на пример, интересов)². Во французском языке количество значений «*identité*» очень велико: личность, индивидуальность, тождество, тождественность, одинаковость, идентификация, фамилия и имя, удостоверение, общность, личные данные, тождественное отображение, идентификатор, унификация, отличительные признаки, характерные особенности, знак различия, указание производителя³. На любых языках, в том числе и на русском, это многозначный термин.

Такая ситуация указывает на многообразие направлений исследований с использованием понятия в социально-гуманитарных дисциплинах, особен-

¹ Oxford Learner's Dictionaries. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 22.06.2025).

² Pons Online Wörterbuch. – URL: <https://de.pons.com/%C3%BCbersetzung> (дата обращения: 22.06.2025).

³ Glosbe. – URL: <https://glosbe.com> (дата обращения: 22.06.2025).

но за последнее время. Популярность же идентичности объясняется по-разному. Это довольно удачный термин, позволяющий избежать ассоциаций с как «философией сознания», так и психоанализом (Малахов, 1998. С. 43–53). Кроме того, можно указать и на сочетание индивидуального и социального в одном понятии, что говорит о связанности человеческой жизни с культурными процессами и возможностью их совместного изучения (Свасьян, 2009. С. 20). Более того, термин соединяет в себе как сходство, так и уникальность (самость), тем самым описывает диалектическое единство личности (Гуревич, Спирова, 2015. С. 303). Кроме того, при всех быстро меняющихся аспектах сегодняшней жизни именно идентичность позволяет говорить всякий раз о том же самом индивиде (Труфанова, 2017. С. 263). Многозначный и довольно удачный для современной науки термин указывает на серьезную историческую трансформацию идентичности личности, причинам и исследованию которой посвящена настоящая статья.

Теоретические основы

В основе представлений об идентичности лежит концепция тождества, разработанная еще в Античности и раскрыта Парменидом, Платоном, Аристотелем. К Новому времени она является базовой и выражается в идее идентификации личности со своим сознанием, что находит воплощение у И. Канта, Дж. Локка. Классический принцип самотождественности личности лежит в основе возникающих в данный период самостоятельных социально-гуманитарных дисциплин. Однако к Новейшему времени эссециалистические представления об идентичности подвергаются сомнению целым рядом направлений, в том числе диалектикой (Г. Гегель), «философией подозрения» (Ф. Ницше, З. Фрейд, К. Маркс), Франкфуртской школой (М. Хоркхаймер, Т. Адорно), концепцией «Другого» (Ж. Лакан), актуализацией концепта «различие» (Ж. Деррида, Ж. Делез).

Результаты исследования

Трансформация идентичности от идеи тождества до ее современного состояния связана с общей неустойчивостью положения человека, в картине мира которого больше нет античного Космоса или средневекового Бога. Личность может «раствориться» в социальном окружении («нулевая идентичность»), а может найти в себе силы для построения своей жизни (конструирование идентичности). Устойчивость человека во многом зависит от него самого (его формирования, отношений с близким окружением), что может выражаться в отождествлении его с другим, своей социальной ролью, собой в прошлом, важной социальной группой и др.

Обсуждение

Проблема осознания человеком себя и своей принадлежности к сообществам получает развитие еще в традиционном обществе, а с расцветом науки (уже в современном) происходит выделение разных аспектов идентичности в

зависимости от предметной области исследования. Так, в Античности идентичность рассматривалась как тождество вещи или человека с физическим или социальным окружением. Это понятие широко использовалось в древнегреческой философии и науке, которые, по сути, не различались. Одно из известных тождеств Парменида, приравнивающих бытие и мышление, надолго легло в основу философских представлений о соответствии наших мыслей миру и наоборот, представленности мира в системе понятий. Платон также использовал понятие «ταὐτότης (tautotēs)», что означало «одинаковый, тот же самый», а также активно пользовался приемом отождествления. Так, когда он в диалоге «Софист» пытался определить, кто же он такой этот софист, то уподоблял его лицемерному подражателю искусства, творящему призраки и запутывающего другого¹. Аристотель, выделив 10 категорий, по сути дела описал ментальную карту, по которой мы можем идентифицировать (сличить) описания вещей со всем окружающим нас сущим. Более того, его имя связывают и с формулированием закона тождества, являющегося основой логики, одной из частей философского знания. Последнее обогатилось представлением о том, что значение обсуждаемого должно сохраняться, быть тождественным в процессе общения (Аристотель, 2018. С. 89–90), что позволит нам удерживать мысль об одном и том же предмете на всем его протяжении.

Кроме того, в традиционном обществе, каким было в том числе античное, идентичность человека рассматривается скорее, как принадлежность, идентификация с группой. Если рабы были лишь «говорящим орудием», вещью, то представители более высокого статуса имели личность или персону, что указывало на принадлежность к высокому роду. Итальянский философ и правовед Дж. Агамбен писал, что в этот период наибольшую значимость имели ее юридическая (наличие правоспособности свободного гражданина, которой обладали немногие в Древнем Риме) и этическая (когда актер не полностью сливается со своим персонажем, принимая решение о своей жизни) составляющие (Agamben, 2011). Античный человек (свободный мужчина), чтобы определить свою идентичность, должен был обозначить свое место в социальной системе, в которой для него устанавливались обязанности и ответственность.

В дальнейшем, в Средневековье, проблема тождества будет иметь место при идентификации адептов с жизнью Христа (например, в монашестве). Более того, большее значение будет иметь этическая составляющая коллективной (социальной) идентичности, указывающая на последовательную принадлежность в слове и действии к христианству. Перед Богом все равны и все личности. С одной стороны, адепту предоставляется свобода выбора, а с другой – на него возлагается чувство вины (основанное на первородном гре-

¹ Платон. Диалоги. Софист // Платоновское философское общество. – URL: <https://plato.today/TEXTS/PLATO/LosevN/0206.htm> (дата обращения: 15.09.2025).

хе) и ответственность за такой выбор. Личность строится по образу и подобию Бога, и именно религиозная принадлежность и нравственный критерий составляют основу идентичности правоверного христианина. Об этом свидетельствует тот факт, что разные народы, принимая одну и ту же религию, становились ближе, как, например, варяги и древние славянские народы с принятием православия смогли создать централизованное государство.

Огромный вклад в исследование типических черт людей из разных социальных групп, в том числе в период Средневековья, внесли в XX веке представители школы «Анналов экономической и социальной истории» и др. В частности, известный советский и российский медиевист А. Я. Гуревич указывал на то, что внутренняя жизнь средневекового человека не представляла самостоятельной целостности (Гуревич, 1972. С. 234), а советский и российский филолог-медиевист Д. С. Лихачев, рассматривая древнерусскую общность, характеризовал ее как массу, в которой не различимы отдельные лица (Лихачев, 1970. С. 39). Французский историк-медиевист Л. Февр, характеризуя коллективную идентификацию, отмечал черты жизни людей, протекающей на виду других (например, они совместно спали на больших кроватях, что указывало на отсутствие интимной, частной жизни) (Февр, 1991. С. 287).

Кроме того, в литературе о Средневековье ставится и вопрос о персональной идентификации, прежде всего, в связи с осознанием себя, своей жизни, ее связаннысти. Такой опыт давала религиозная исповедь. Один из самых наглядных примеров тому – «Исповедь» Августина Блаженного (Августин, 2013), в которой он сделал таинство публичным актом. Кроме того, эта проблема поднимается в связи с исследованием средневековой культуры как знаково-символической системы. Некоторые знаки отличали, выделяли из массы типического. Так, историк Б. М. Бедос-Резак писала, что знаки личной печати стали важнейшим способом персональной идентификации французской средневековой аристократии (Bedos-Rezak, 2011. Р. 111).

В дальнейшем акцент на персональное, индивидуальное тесным образом был связан с традицией ренессансного гуманизма, обращающей внимание на особые качества творца и художника. Истоки такой традиции швейцарский историк Я. Буркгардт видит и в более ранней культуре, когда индивидуальное «я» латентным образом уже присутствует и, как семя, прорастает в благоприятных обстоятельствах (Burckhardt, 1937). Гуманистическая традиция итальянского Возрождения способствовала складыванию представлений о деятельности личности, сотворчествующей Богу, выбирающей собственное развитие. Для разговора об ее индивидуальности необходимым моментом станет предположение об ее идентичности, самотождественности, автономности. Индивидуальность все больше указывает на разрушение прежних семейно-религиозных связей и постепенное создание в индустриальном обществе новой системы национально-государственных отношений. Человек свободен

в выборе профессии, работы, партнера, партии и многое другое, но должен соответствовать национально-культурным приоритетам государства. Так, успешность генерала Наполеона в годы Великой Французской революции была связана не с его приверженностью к одной из противоборствующих во время этих событий сил, а с победами Франции как государства над внешним врагом. Таким образом, идентичность как развитие индивидуального начала сквозь типическое соседствует с удачной коллективной идентификацией (карьера многих великих художников-гуманистов сопровождалась поддержкой богатых покровителей).

Для развития идей индивидуализма и самотождественности философия должна была получить иные основания, чем бытие сущего, т. е., перестав опираться на окружающий мир, она ищет их в субъекте. В дальнейшем, в Новое время, рационализм как общий вектор развития, свойственный как философии, так и науке, ставит под сомнение до этого существовавшую веру в окружающий мир (как создание Бога) и требует достоверных доказательств. Такие сомнения приводят Р. Декарта к актуализации мыслящей вещи, становящейся новым основанием философии и субъектом познания, противопоставленным объекту, а кантовского трансцендентального субъекта к утверждению законов, действующих лишь в пределах опыта. Рационализм направит свои усилия на подчеркивание самотождественности личности и ее значимости в сравнении с остальным миром (вплоть до сопоставления с Богом).

Для английского философа Дж. Локка сознание является скорее самосознанием, которое сопутствует мышлению и указывает на тождество личности, которая воспринимает себя той же самой как вчера, так сегодня, а также и в будущем (Locke, 2014). О роли сознания, связывающего личность в единое целое, писал в своих антропологических исследованиях также немецкий философ И. Кант (Kant, 2006). Благодаря тождеству она способна нести ответственность за свои поступки, готова принимать решения, имеющие государственно важный характер. В частности, известно, что Дж. Локк был одним из основателей теории естественного права и общественного договора, где ответственной личности уделялось довольно много внимания как способной к созданию договорного государства, пониманию и отстаиванию своих прав и интересов, а И. Кант настаивал, что такой договор возможен между морально развитыми индивидами. И без тождества сознания у такой личности невозможно себе представить реализацию этих ее возможностей.

Однако и сегодня, как в те времена, мы сталкиваемся с проблемой того, что представляет собой сознание, какова его природа, и существует вероятность, что оно относится к тем трансценденталиям (как, например, время, пространство, бытие), о которых мы вряд ли когда-то будем знать с достоверностью. Кроме того, и в те времена у Дж. Локка и его последователей были критики. Так, в «Трактате о человеческой природе» английский мыслитель

Д. Юм, в частности, указывает, что для существования тождества личности или непрерывной идеи «я» в сознании необходимо, чтобы у нас сохранялись постоянные впечатления о себе в течение жизни, но практически такого представить невозможно. Если идея «я» не происходит от таких впечатлений, то ее попросту не существует. Во множестве впечатлений о себе «я» не улавливается, вместо «я» существуют пучок или связка восприятий, а нечто неизменное, что указывает на тождество, является лишь фикцией, которую мы ошибочно приписываем предметам. Философ приходит к выводу, что тождество личности является не философской, а, скорее, грамматической или описательной проблемой, что может быть представлена в связном рассказе о себе (Hume, 1896), что позднее оформляется в проблему нарративной идентичности, хорошо описанной П. Рикером, и связанной с прочтением себя через язык культуры (Ricoeur, 1994). Более того, нарративный подход становится одним из ведущих в современном философском понимании идентичности. И действительно, благодаря ранее дневникам, а сегодня социальным сетям человек способен поддерживать связь с собой из прошлого, тем, который имел иные клетки тела, особенности мышления и др. Таким образом, проблема идентичности личности в истории философии ставится в зависимости от основания: от тождества вещей к тождеству личности в сознании, а затем в языке.

Так или иначе классическая философия идет по пути констатации само-достаточности субъекта познания. Более того, его тождество определяется не аристотелевским принципом, а фихтовским, т. е. не тождество вещей дает основание говорить о тождестве личности, но поскольку «я» полагает «я», имеют место остальные типы идентичности (Лега, 2009. С. 179; Орлова, 2010. С. 90). В просвещенческой модели как раз и проявляются черты разумной, свободной, самотождественной, контролирующей волю личности (декартовский принцип держать волю в границах разума), индивидуальность которой способствует как ее развитию, так и развитию общества в целом.

Важной вехой в поддержании идеи самотождественности личности становится процесс отделение «наук о духе» от «наук о природе», что способствовало пристальному интересу к человеку и его особенностям, развитию не объяснимых, а понимающих методик в социально-гуманитарном знании, привлечению иррациональных фактов в науку. Так, в этом направлении активно работали представители историзма, получившего развитие в исторической науке XVIII – сер. XIX вв. Рациональному и иррациональному, индивидуальному и типическому в своих исследованиях уделял внимание Ю. Мезер, размышляя над жизнью крестьян и слуг, рисуя сцены народного быта. И. Гердер использовал метод вчувствования, применимый не только для самопонимания, но и изучения окружающего мира, его проявлений. Индивидуальность или жизнь И. Гете рассматривал как один из внутренних природных процессов. Вся природа у него, в том числе и человеческая, связа-

на общим жизненным духом, потому историк и способен постигнуть жизнь, а в своих исследованиях он должен исходить из изучения взаимоотношения личности и среды (Мейнеке, 2004. С. 351). Интерес к индивидуальному, соотношению индивидуального и типического можно усмотреть и в деятельности школы Анналов (Ж. Ле Гофф, Л. Февр, М. Блок и др.), которая обращала внимание на новое прочтение средневековых источников, о чем речь шла выше.

В ключе критики рационализма и развития индивидуального начала, опирающегося на самотождественность человека, можно рассматривать экзистенциальный проект XX в. (философия и психология), для которого сущее идентично уже в силу своего существования. Однако человек как особое сущее не просто бытийствует, но может экзистировать, открывая смысл бытия. У М. Хайдеггера («Бытие и время») выбор, который делает присутствие, заключается в возможности строить свою идентичность или самость через подлинное или неподлинное существование. У Ж.-П. Сартра («Экзистенциализм – это гуманизм») человек способен создавать себя как проект, строящийся на выборе своего существования и ответственности за свои действия. Более того, осознание собственного существования, сосредоточенность на своем внутреннем чувстве способствует и возрастанию ощущения жизни, стремления к целостности, изменению отношений с другими, что активно используется в практике экзистенциальной психологии (Bugental, 1976).

Проблема тождественности «я» является значимой и для эго-психологии – такого направления психоанализа, которое более пристальное внимание обращает на «я» или эго в структуре личности, чем на бессознательное. В таком ключе работала, например, психолог и психоаналитик А. Фрейд, исследовавшая механизмы защиты эго и работу с ними. Одним из наиболее влиятельных представителей этого направления стал психолог и психоаналитик Э. Эриксон, работы которого дали толчок к междисциплинарному исследованию идентичности во второй половине XX в. Изучая детство в разных культурах, Э. Эриксон пришел к выводу, что чувство тождественности или идентичности тесным образом связано с давлением на человека культуры, в том числе и отношением к ребенку взрослых. В традиционных культурах (приводит примеры индейских племен), где дети более предоставлены себе, а значит, во многом самостоятельно адаптируются к окружению, формируется ощущение базового доверия миру, а значит, – идентичности и тождественности (Erikson, 2014). В системе формирующегося индустриального общества исследователь усматривает большое давление на ребенка со стороны культуры (пример с Мартином Лютером), что не способствует базовому доверию миру, а указывает скорее на складывание у человека таких черт, как непоследовательность, подозрительность, самовольство, моральный садизм и т. д. (Erikson, 1993). Э. Эриксон рассматривает несколько стадий развития ребенка, на каждой из которых он испытывает кризисы идентичности. Для адекватного его разви-

тия необходимо учитывать особенности психофизического самочувствия, культурное влияние и использовать адаптивные воспитательные практики, тем самым приспосабливая его к условиям среды. Давление среды может формировать невротическую личность, у которой не совпадают идеальное «я», основанное на представлении о всемогуществе, и реальное зависимое «я». Таким образом, преодоление проблем «я», связанных с травмами детского развития, культурным влиянием и другими причинами, обусловлено связанностью личности, ее самотождественностью. Именно благодаря этому единству она может осознать свои проблемы и начать решать их.

В то же время в ряде исследований самотождественность личности как основа идентичности подвергается сомнению. Так, продолжая критику субъект-объектного устройства мира, Франкфуртская школа показала, что буржуазное общество выстроено как система иерархии и подчинения природного (в том числе и тела человека), а вместо развития индивидуального начала происходит формирование абстрактной идентичности похожих друг на друга людей (Horkheimer, 2016). Субъекты в этой абстрактности скорее тождественны друг другу, чем себе. Их подобие ставит под сомнение идею самоидентичности, что связано и с другими представлениями.

В частности, речь идет о проблематизации как в философии, так и отдельных науках соотношения «“я” и другой». Действительно, чтоб «я» полагало «я» (фихтовская концепция), необходимо себя еще отличить от другого. Например, маленький ребенок формирует свою идентичность (в значении самости, ощущения себя самим), исходя из предлагаемых его матерью вариантов частей тела, которые он может найти как у нее, так и у себя. Никакой связности восприятий, целостности и тождественности себя с самим у него еще до этого нет. Для формирования «я» нужен другой, внутри личности с раннего детства существует не ощущение самотождественности, а соотношение меня с другим.

Проблема другого является довольно давней в философии. Так, другим, через кого происходит самоопознавание, выступает Сократ по отношению к Алкивиаду, средневековый духовный наставник по отношению к христианину. У Г. Гегеля (в трактовке А. Кожева) желание признания другим человеком является условием его субъектизации (Гаспарян, 2011. С. 268). Таким образом, субъект не может появиться в мире сам по себе, он должен быть опосредован чем-то внешним, определяющим его структуру (это противостоит классическому представлению о том, что сначала существует автономное «я», потом оно противостоит другим), «я» появляется одновременно с другим.

На тесную эмоциональную связь с другим обращает внимание психоанализ. В частности, основатель психоанализа З. Фрейд указывал, что в случае идентификации возможна интроекция или бессознательное усвоение чужих

мыслей, установок, ценностей¹. Эта идея оказалась важна и французскому психоаналитику и философу Ж. Лакану, посещавшему семинары А. Кожева и знакомого с его идеями. Рассматривая стадию зеркала, Ж. Лакан приходит к выводу, что начиная с 6-месячного возраста ребенок способен выстроить идеальное воображаемое «я», исходя из своего визуального образа (двойника), который он видит в зеркале, а также благодаря взаимодействию с другими людьми (я узнаю о том, кто я, от других). Идеальное нарциссическое «я» (другой) является средством защиты, спутником «я», основанием последующих идентификаций с другими. Таким образом, внутри субъекта имеет место не идентификация с собой, а «я» соседствует с другим, идеальным образом, сформированным в раннем детстве, «я» всегда носит в себе другого. Следовательно, «я» – это явление социальное, оно может быть таковым, поскольку есть другие, более того, становится результатом коммуникации (Гаспарян, 2015. С. 70). Обусловленность человека другим может быть и в виде идеологий, медицинских, экономических практик и др. интересует французского философа М. Фуко, итальянского философа Дж. Агамбена (проблема диспозитива). Определяемость человека любым иным ставит под сомнение его самотождественность, способность принимать самостоятельные решения, руководствуясь автономной волей. Более того, различие (другой – это уже различие внутри структуры личности) начинает рассматриваться как основа самой жизни, как то, что важнее тождества (Ж. Деррида, Ж. Делез). Сомнение в самотождественности личности, огромная роль бессознательного в ее поведении, акцент на различии проблематизирует те представления об идентичности, которые строились как на разумных основаниях связанности, так и на способности человека сохранять свое тождество с собой в целом. В XX в. с развитием психиатрии все больше обращается внимание на шизофрению как заболевание, связанное с огромными проблемами идентификации человека, живущего в нескольких реальностях.

Тем не менее проблематика ««я» и другой» стала основой множества исследований в социальных науках. Формирование идентичности как результат интеракции индивида с социальным окружением можно увидеть в работах Дж. Мида. Рассматривая особенности социализации ребенка, американский социолог Дж. Мид замечает, что в игре и соревновании он активно подражает роли, которую выполняет, может видеть себя со стороны и активно включается в социальное взаимодействие в команде. Можно выделить два значимых компонента: «I», или то, что он думает о себе, и «Me», или то, что человек приобрел от обобщенного другого (его сообщества). В этой интеракции с обобщенным другим и формируется его идентичность (Мид, 1994. С. 122–128).

¹ Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Проект «Весь Фрейд». – URL: <https://freudproject.ru/?p=1248&page=6> (дата обращения: 06.07.2025).

Еще одно направление социологических исследований было связано с рассмотрением идентичности как некоторой социальной роли (результата влияния), которую приобретает и выполняет человек в обществе. Англо-германский социолог Р. Дарендорф рассматривал такую роль обязательной в силу того, что она является результатом воздействия на него образования и санкций общества (Дарендорф, 2002. С. 200–246). Американский социолог И. Гофман рассматривает в социальном взаимодействии способности как представлять социальную роль, так и расшифровывать смысл. Публичную интеракцию он сравнивает со сценическим действием, в котором на сцене человек выглядит более стандартизованным и стереотипным, нежели за кулисами. Именно такой публичный образ или маску нередко принимают за реальность (истинное «я»), хотя в действительности человек может быть иным (Гофман, 2000. С. 143–299). Таким образом, идентичность в пространстве социологических исследований может рассматриваться как некоторая самость и результат социализации, в ходе которой наблюдается включение других (другого), разнообразных социальных статусов и ролей в систему ценностей индивида. Возникают проблемы согласования этих статусов и ролей, представление о человеке может подменять его реальную идентичность.

Заключение

Рассматривая идентичность личности в исторической ретроспективе, отметим, что тождество, которое еще с Античности рассматривалось как базовое свойство мироздания, становится уже в Новое время необходимым условием существования классического субъекта философии. Именно оно позволяет ему, оставаясь собой, двигаться к взрослению (у И. Канта умению пользоваться своим умом), индивидуальности, осознавать и справляться с травмами детства. Идея самотождественности становится базовой для истории, которая развивается в направлении индивидуализации человека, т. е. помимо социальной истории появляется микроистория с ее интересом к жизни личности. Идентичность в психологии рассматривается как связанная с базовым доверием человека миру, его устойчивостью. Экзистенциальная философия и психология ориентируют его взять на себя ответственность за свои чувства, мысли, поступки и двигаться трудным путем индивидуальных выборов. Но ко второй половине XX века наметился кризис эсценциалистских интерпретаций идентичности. Представление о самотождественной, определяющей свою жизнь и автономной личности противостояло представлению о том, что в самой структуре человека уже существует различие, «Другой», который появляется в процессе его формирования, и ни о какой самоидентичности говорить невозможно. Человек подобен таким же, как он, зависим от условий культуры, своего бессознательного. Он может «раствориться» в массовом обществе («нулевая идентичность»), играть какую-то социальную роль, постоянно менять себя (конструировать).

Современные исследователи находятся в рамках противоположных представлений об идентичности личности, в том числе существующей от природы и меняющейся, свободно конструируемой и невозможной (из-за давления культуры, например, влияния диспозитивов или безучастности самого человека). Но в том и другом случае перспективными видятся исследования, посвященные анализу пределов человеческой свободы и безопасности, позволяющих личности сохранять идентичность, а значит, себя.

Список источников

Августин А. Исповедь / А. Августин. – Санкт-Петербург: Наука, 2013. – 371 с. – ISBN 978-5-02-038291-6.

Аристотель. Метафизика / Аристотель; [пер. с древнегр., вступит, ст. и комм. А. В. Маркова]. – Москва: РИПОЛ классик, 2018. – 384 с. – ISBN 978-5-386-10325-5.

Гаспарян Д. Э. Введение в неклассическую философию / Д. Э. Гаспарян. – Москва: РОССПЭН, 2011. – 398 с. – ISBN 978-5-8243-1531-8.

Гаспарян Д. Э. Проблема «Я» и «Другого» в философском и психологическом ракурсах: от Гегеля к Лакану / Д. Э. Гаспарян // Философские науки. – 2015. – № 10. – С. 61–77. – EDN UXQBJP.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. – Москва: Канон-пресс, Кучково поле, 2000. – 304 с. – ISBN 5-93354-006-4.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – Москва: Искусство, 1972. – 318 с.

Гуревич П. С. Идентичность как социальный и антропологический феномен / А. Я. Гуревич, Э. М. Спирова. – Москва: Канон+РООИ «Реабилитация», 2015. – 368 с. – ISBN 978-5-88373-498-3.

Дарендорф Р. Человек и общество / Р. Дарендорф // Тропы из утопии. – Москва: Практис, 2002. – С. 174–290.

Лега В. П. История западной философии. Часть 2. Новое время. Современная западная философия: учеб. пособие / В. П. Лега. – Москва: Изд-во ПСТГУ, 2009. – 456 с. – ISBN 978-5-7429-0433-5.

References

Augustine A. Confession. Sankt-Peterburg: Nauka = St. Petersburg: Science. 2013; 371 p. ISBN 978-5-02-038291-6. (In Russ.)

Aristotle. Metaphysics. [translated from Ancient Greek, with an introduction, article, and commentary by A. V. Markov]. Moskva: RIPOLO klassik = Moscow: RIPOLO classic. 2018; 384 p. ISBN 978-5-386-10325-5. (In Russ.)

Gasparyan D. E. Introduction to Non-Classical Philosophy. Moskva: ROSSPEN = Moscow: ROSSPEN. 2011; 398 p. ISBN 978-5-8243-1531-8. (In Russ.)

Gasparyan D. E. The Problem of «I» and «Other» from Philosophical and Psychological Perspectives: From Hegel to Lacan. Filosofskiye nauki = Philosophical Sciences. 2015; 10: 61–77. (In Russ.)

Goffman I. Presenting Oneself to Others in Everyday Life. Moskva: Kanon-press, Kuchkovo pole = Moscow: Kanon-press, Kuchkovo Pole. 2000; 304 p. ISBN 5-93354-006-4. (In Russ.)

Gurevich A. Ya. Categories of Medieval Culture. Moskva: Iskusstvo = Moscow: Art. 1972; 318 p. (In Russ.)

Gurevich P. S., Spirova E. M. Identity as a Social and Anthropological Phenomenon. Moskva: Kanon + ROOI «Reabilitatsiya» = Moscow: Kanon + ROOI «Rehabilitation». 2015; 368 p. ISBN 978-5-88373-498-3. (In Russ.)

Dahrendorf R. Man and Society. From the book: Paths from Utopia. Moskva: Praksis = Moscow: Praxis. 2002; 174-290. (In Russ.)

Lega V. P. History of Western Philosophy. Part 2. Modern Times. Contemporary Western Philosophy: Textbook. Moskva: Izd-vo PSTGU

Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачев. – Москва: Наука, 1970. – 181 с. = *Moscow: PSTGU Publishing House. 2009; 456 p. ISBN 978-5-7429-0433-5. (In Russ.)*

Малахов В. С. Неудобства с идентичностью / В. С. Малахов // Вопросы философии. – 1998; № 2. – С. 43–53. – EDN UUIMOZ. *Likhachev D. S. Man in the Literature of Ancient Rus'. Moskva: Nauka = Moscow: Science. 1970; 181 p. (In Russ.)*

Мейнеке Ф. Возникновение историзма / Ф. Мейнеке. – Москва: РОССПЭН, 2004. – 480 с. – ISBN 5-8243-0509-9. *Malakhov V. S. Troubles with Identity. Voprosy filosofii = Questions of Philosophy. 1998; 2: 43-53. (In Russ.)*

Мид Дж. «Я» и «Ме». Из кн. Американская социологическая мысль: Тексты / Дж. Мид; под В. И. Добренькова. – Москва: Издво МГУ, 1994. – 496 с. *Meinecke F. The Emergence of Historicism. Moskva: ROSSPEN = Moscow: ROSSPEN. 2004; 480 p. ISBN 5-8243-0509-9. (In Russ.)*

Орлова Э. А. Концепции идентичности / идентификации в социально-научном знании / Э. А. Орлова // Вопросы социальной теории. – 2010. – Т. 4. – С. 87–111. – EDN NQXEKX. *Mead J. «I» and «Me». From the book American Sociological Thought: Texts. Under V. I. Dobrenkov. Moskva: Izd-vo MGU = Moscow: Moscow State University Publishing House. 1994; 496 p. (In Russ.)*

Свасьян К. А. Человек в лабиринте идентичностей / К. А. Свасьян. – Москва: Evidentis, 2009. – 125с. – ISBN 5-94610-045-9. *Orlova E. A. Concepts of Identity. Identification in Social-Scientific Knowledge. Voprosy sotsial'noy teorii = Questions of Social Theory. 2010; 4: 87-111. (In Russ.)*

Труфанова Е. О. Индивидуальная (Я) идентичность / Е. О. Труфанова // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. – Москва: Издательство «Весь мир», 2017. – 992 с. – ISBN 978-5-7777-0697-3. *Svas'yan K. A. Man in the Labyrinth of Identities. Moskva: Evidentis = Moscow: Evidentis. 2009; 125 p. ISBN 5-94610-045-9. (In Russ.)*

Февр Л. Бои за историю. Сборник статей / Л. Февр. – Москва: Наука, 1991. – 632 с. – ISBN 5-02-009042-5. *Trufanova E. O. Individual (Self) Identity. In the book Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition. Moskva: Izdatel'stvo Ves' mir = Moscow: Whole World Publishing House. 2017; 992 p. ISBN 978-5-7777-0697-3. (In Russ.)*

Agamben G. Identity without the Person. Nudities / G. Agamben. – Stanford, California: Stanford University Press, 2011. – 129 p. – ISBN 978-0-8047-69-49-5. *Fevre L. Battles for History. A Collection of Articles. Moskva: Nauka = Moscow: Science. 1991; 632 p. ISBN 5-02-009042-5. (In Russ.)*

Bedos-Rezak B. When ego was imago: signs of identity in the Middle Ages / B. Bedos-Rezak. – Leiden: Brill Publishers, 2011. – 322 p. *Agamben G. Identity without the Person. Nudities. Stanford, California: Stanford University Press. 2011; 129 p. ISBN 978-0-8047-69-49-5.*

Burckhardt J. The civilization of the renaissance in Italy / J. Burckhardt. – Vienna: The Phaidon press; London: G. Allen & Unwin ltd., 1937. – 640 p. *Bedos-Rezak B. When ego was imago: signs of identity in the Middle Ages. Leiden: Brill Publishers. 2011; 322 p.*

Bugental J. The Search for existential identical: Patient-Therapist Dialogues in Humanistic Psychotherapy San Francisco / J. Bugental. – Jossey-Bass Publishers, 1976. – 330 p. – ISBN 0-87589-273-6. *Burckhardt J. The civilization of the renaissance in Italy. Vienna: The Phaidon press; London: G. Allen & Unwin ltd. 1937; 640 p.*

Erikson E. Childhood and Society / E. Erikson. – New York: W. W. Norton & Company, 2014. – 448 p. *Bugental J. The Search for existential identical: Patient-Therapist Dialogues in Humanistic Psychotherapy. San Francisco: Jossey-Bass Publishers. 1976; 330 p. ISBN 0-87589-273-6.*

Erikson E. Young Man Luther: A Study in Psychoanalysis and History / E. Erikson. – New York: W. W. Norton & Company, 1993. – 288 p.

Kant I. Anthropology from a Pragmatic Point of View / I. Kant // ed., trans. Robert Louden, intro. Manfred Kuehn. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 246 p. – ISBN 052185556X.

Locke J. An Essay Concerning Human Understanding / J. Locke. – Towcester: Wordsworth Editions Limited, 2014. – 850 p. – ISBN 978-1-84022-732-1.

Ricoeur P. Oneself as another / P. Ricoeur. – Chicago: The University of Chicago Press, 1994. – 363 p.

Horkheimer M. Dialectic of Enlightenment / M. Horkheimer, T. Adorno. – London: Verso Books, 2016. – 288 p. – ISBN 1784786799.

Hume D. A. Treatise of Human Nature. Reprinted from the Original Edition in three volumes and edited, with an analytical index, by L. A. Selby-Bigge / D. A. Hume. – Oxford: Clarendon Press, 1896.

Erikson E. Childhood and Society. New York: W. W. Norton & Company. 2014; 448 p.

Erikson E. Young Man Luther: A Study in Psychoanalysis and History. New York: W. W. Norton & Company. 1993; 288 p.

Kant I. Anthropology from a Pragmatic Point of View, ed., trans. Robert Louden, intro. Manfred Kuehn. Cambridge: Cambridge University Press. 2006; 246 p. ISBN 052185556X.

Locke J. An Essay Concerning Human Understanding. Towcester: Wordsworth Editions Limited. 2014; 850 p. ISBN 978-1-84022-732-1.

Ricoeur P. Oneself as another. Chicago: The University of Chicago Press. 1994; 363 p.

Horkheimer M., Adorno T. Dialectic of Enlightenment. London: Verso Books. 2016; 288 p. ISBN 1784786799.

Hume D. A. Treatise of Human Nature. Reprinted from the Original Edition in three volumes and edited, with an analytical index, by L. A. Selby-Bigge. Oxford: Clarendon Press. 1896.

Для цитирования: Жижилева Л. И. Идентичность личности в социально-гуманитарном пространстве: исторический контекст // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 6 (76). – С. 124–137.

DOI 10.18522/2227-8656.2025.6.9

EDN GMODRK

История статьи:

Поступила в редакцию – 26.09.2025

Одобрена после рецензирования –

29.10.2025

Принята к публикации – 31.10.2025

Сведения об авторе

Жижилева Лариса Ивановна

Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Общеакадемического факультета Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
SPIN-код: 8426-3167
AuthorID: 552230
larzhi73@yandex.ru

Information about author

Larisa I. Zhizhileva

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Humanities
Public Academic Faculty,
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
larzhi73@yandex.ru